

Тан Цинфэн подошел к двери и постучал, но та оказалась не заперта. Он толкнул её и замер: внутри царил беспорядок, а на полу, одетый лишь в нижнее белье, лежал старик Сунь. Он не подавал признаков жизни. Внезапное зрелище повергло Тан Цинфэна в шок, лишь спустя долгое время он смог прийти в себя. Ослабев в ногах, он повалился на землю и дрожащим голосом позвал остальных.

Первым вошел Цинь Фан, за ним — Кун Лин и Хань Чжу. Они входили, оживленно беседуя, но, увидев открывшуюся картину, сразу умолкли.

Наконец справившись с оцепенением, Тан Цинфэн поднялся и побежал проверить восточную комнату. Дверь была плотно закрыта, и даже после сильного удара ногой она лишь немного приоткрылась. Заглянув в щель, он увидел, что изнутри что-то подпирает дверь, а из-за недостатка света в комнате царил полумрак, и разглядеть что-либо было сложно.

Попробовав еще раз, он понял, что детских сил не хватит, чтобы открыть дверь, и вернулся за остальными. Только общими усилиями Кун Лина и Цинь Фана удалось распахнуть её, но комната оказалась пуста.

На грубо сколоченном туалетном столике стояло обычное медное зеркало и лежала косметика, которой пользуются девушки, а в шкафу нашлось всего несколько предметов одежды. Единственной ценной вещью была массивная резная кровать: работа была столь искусной, что цветы, вырезанные на дереве, казались живыми, а капли росы на лепестках — настоящими.

Постель на кровати была сбита. Тан Цинфэн коснулся простыней — они были холодными. Либо девушка ушла очень рано, либо здесь вообще никто не ночевал.

Осмотрев всё, четверо стояли во дворе в полном молчании. Хань Чжу, чей вид был бледен от ужаса, вцепился в подол одежды Тан Цинфэна и задрожал:

— Молодой господин, что нам делать? Может, уйдем, пока никто не заметил? Пойдемте, господин, мне страшно.

Мальчик не мог сдержать дрожь. И немудрено: совсем еще ребенок, он внезапно столкнулся с трупом, да еще и того самого старика, с которым они так тепло общались накануне.

— Уйти? Разве мы можем? — Цинь Фан произнес это скорее про себя, чем в надежде получить ответ от Кун Лина.

Никто не ответил. Солнце поднималось всё выше, достигнув зенита, но его тепло, согревавшее двор, не могло проникнуть в ледяные от страха сердца людей.

Спустя долгое время Цинь Фан наконец произнес:

— Нужно позвать старосту.

— Хорошо! — Тан Цинфэн, видя, что учитель и Хань Чжу напуганы, взял на себя задачу найти старосту. Выйдя за ворота, он огляделся. Дом старика Сунь стоял у самой дороги, а поскольку сельские жители привыкли разбивать огороды перед домом и за ним, соседние постройки находились на значительном расстоянии.

День был в самом разгаре, и некоторые уже готовили обед. Тан Цинфэн направился к дому, из трубы которого шел дым.

Стук в дверь, ожидание — время тянулось мучительно долго. Дверь открыла молодая женщина с черными волосами, уложенными в изящный пучок, украшенный красным вязаным цветком.

— Здравствуйте, сестра, простите за беспокойство. Не подскажете, где живет староста? — Тан Цинфэн старался выглядеть серьезным, но его детское лицо, пытающееся казаться взрослым, выглядело довольно забавно.

— Малыш, ты ищешь старосту? Его дом вон там, видишь, где растет огромное дерево османтуса? — женщина указала на дерево неподалеку.

Тан Цинфэн посмотрел на дерево и понял, что дом старосты находится совсем рядом с домом старика Сунь. Поблагодарив отзывчивую женщину, он вернулся обратно, постучал и дождался, пока ему откроют.

После недолгих объяснений Тан Цинфэн привел старосту к дому покойного. Увидев всё своими глазами, тот немедленно отправил людей за стражниками и коронером. Лишь когда распоряжения были отданы, староста смог поговорить с Цинь Фаном.

— Как вы обнаружили старика Сунь? — спросил староста, сидя на почетном месте и попивая чай, заваренный Хань Чжу.

Цинь Фан подробно рассказал, как они попросились на ночлег, как утром нашли тело и обнаружили исчезновение девушки. Староста слушал, не отрываясь от чашки, пока не допил весь чай.

Выслушав, он промолчал. В зале царила тишина: староста сидел один, а четверо путешественников стояли рядом. Хань Чжу, охваченный паникой, не выпускал Тан Цинфэна из рук. Цинь Фан, чье здоровье было подорвано затянувшейся простудой, чувствовал себя совершенно измотанным. Кун Лин и Цинь Фан, одетые в ученое платье, крепко держались за руки под широкими рукавами. Цинь Фан время от времени улыбался Кун Лину, и от этой улыбки у того сжималось сердце: он корил себя за то, что вчера согласился остаться здесь на ночлег. Если бы они не остановились, то сейчас были бы уже в пути в столицу.

Вскоре прибыли стражники и коронер. Коронер передал отчет о смерти одному из стражников, судя по одежде — старшему в отряде.

Староста заглянул в бумагу и увидел запись: Зрачки расширены, следы крови в носовой полости, в ротовой полости обнаружена кровь. Удар по затылочной части черепа. На остальных частях тела видимых повреждений нет.

Староста еще раз посмотрел в отчет и вернулся на место, ожидая приказаний. Стражник махнул рукой, и остальные бросились к ним, чтобы заковать в колодки. Кун Лин поспешил заявить, что они с Цинь Фаном — люди ученые, имеющие степень, и заковывать их нет нужды.

Стражник, знавший правила, не стал настаивать, и четверых увели в городское управление. Их заключили в темницу, а личные вещи забрали, присвоив себе.

Оказавшись за решеткой, Тан Цинфэн огляделся. Это место было именно таким, как показывали в фильмах из его прошлой жизни.

Их разделили по двое: Тан Цинфэн с Цинь Фаном в одной камере, Хань Чжу с Кун Лином — в другой. Воздух в тюрьме был тяжелым, пропитанным тошнотворным смрадом. Отовсюду доносились стоны заключенных и крики о несправедливости. Глаза людей в клетках были пустыми и безжизненными. Это было невыразимо жутко.

<http://bllate.org/book/21782/2252373>